

УДК 94(41/99)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.79>

Дипломатический дискурс СССР и КНР в 1955–1990-х гг.: противостояние и партнерство

В. М. Филашкина*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Исследуются советско-китайские отношения в период 1955–1990-х гг. Анализируется дипломатический дискурс обоих государств на материале дипломатических документов, выступлений глав государств и публикаций из периодических изданий. Отмечается, что дипломатические дискурсы СССР и КНР значительно отличаются колебаниями тональности, что отражает подходы обоих государств к взаимодействию друг с другом.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, СССР, КНР, советско-китайские отношения, конфронтация, нормализация отношений.

Благодарности. Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-25-323 «Эволюция дипломатических дискурсов России, Китая и США в контексте вопроса военной безопасности 1990–2020-х гг.».

Для цитирования: Филашкина В. М. Дипломатический дискурс СССР и КНР в 1955–1990-х гг.: противостояние и партнерство // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2026. Т. 56. С. 79–89. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.79>

Original article

The Diplomatic Discourse of the USSR and the PRC in 1955–1990s: Confrontation and Partnership

V. M. Filashkina*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The study is focused on the relations between USSR and PRC between 1955 and 1990. The diplomatic discourse of both states is analyzed using diplomatic documents, statements by heads of state, and publications from periodicals. The diplomatic discourse between the USSR and the People's Republic of China differs significantly in tone, which is indicative of their approaches to inter-state interactions.

Keywords: diplomatic discourse, the USSR, China, Soviet-Chinese relations, confrontation, normalization of relations.

Acknowledgments. The research was supported by Irkutsk State University, project N. 091-25-323 “The evolution of the diplomatic discourses of Russia, China, and the USA in the context of military security from 1990 to 2020”.

For citation: Filashkina V.M. The Diplomatic Discourse of the USSR and the PRC in 1955-1990s: Confrontation and Partnership. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2026, vol. 56, pp. 79-89. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.79> (in Russian)

История советско-китайских отношений складывалась непросто: периоды партнерства и сотрудничества сменялись конфликтами и открытой конфронтацией. На примере этого межгосударственного взаимодействия, характеризующегося спадами и подъемами, можно выявить особенности и эволюцию дипломатического дискурса в рамках исторического процесса. Анализ дипломатического дискурса представляется актуальным, поскольку его методология позволяет определить историческую динамику взаимодействий между странами, а также в определенной мере спрогнозировать, в каком направлении будут развиваться отношения между акторами международной системы. Цель данной статьи заключается в установлении изменений тональности и содержательного аспекта дипломатических дискурсов СССР и КНР в период 1955–1990-х гг. Основу исследования составляет следующая гипотеза: тональность дипломатического дискурса страны (в отношении другой страны, группы стран или международной системы в целом) колеблется в зависимости от трансформаций межгосударственных отношений. В качестве эмпирической базы выступили дипломатические документы, избранные произведения Дэн Сяопина, речи и статьи Л. И. Брежнева, избранные речи, статьи и воспоминания М. С. Горбачева, а также материалы из газет «Правда», «Известия», «Московская правда», «Жэньминь жибао». Всего было рассмотрено 75 текстов.

Прежде чем перейти к анализу дипломатического дискурса СССР и КНР, необходимо кратко рассмотреть историю формирования советско-китайских отношений в 1949–1990-х гг. Профессор Е. П. Бажанов, один из авторов монографии «Россия и Китай: четыре века взаимодействия», отмечает, что Председатель ЦК Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун после провозглашения Китайской Народной Республики установил курс на сближение с СССР, что объяснялось не только одним идеологическим (коммунистическим) курсом, но и враждебностью со стороны США. В Конституции КНР, принятой 20 сентября 1954 г., союз двух государств закреплялся официально. Сотрудничеству СССР и КНР способствовали идеи социализма, братства социалистических держав и необходимость в опоре на СССР, особенно в период корейской войны и обострения конфликта с США [см.: 7, с. 217]. Мао Цзэдун и Председатель Госсовета КНР Чжоу Эньлай в инструкции дипломату Лю Сяо подчеркивали, что КНР нуждается в помощи СССР: обмене опытом, финансировании, поддержке на международной арене. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи был подписан министрами иностранных дел А. Я. Вышинским и Чжоу Эньлаем 14 февраля 1950 г. Кроме того, КНР были переданы права на КВЖД, военные базы в Порт-Артуре и Даляне, выдан льготный кредит на 300 млн долл. Автор приводит мнение российского дипломата Г. В. Зиновьева, считавшего, что СССР ради укрепления взаимоотношений с КНР заключил менее выгодные для себя, чем для КНР, соглашения, однако союз с Китаем позволял противостоять позициям

США в АТР и расширять влияние социалистического лагеря [7, с. 220]. Тем не менее, как подчеркивает автор, сближение с Китаем происходило в силу идеологических, а не геополитических причин. Обе страны сближало противостояние капиталистическим государствам, холодная война, а также угроза вторжения Чан Кайши в КНР, которое США были готовы поддержать. Генеральный секретарь КПСС И. В. Сталин рассматривал китайское коммунистическое движение в качестве классово близкого: борьба с гоминьдановским режимом была борьбой с контрреволюцией, помощь КНР – помощью государству, у которого сходные цели и интересы с СССР [Там же, с. 222]. Как отмечает китаевед и дипломат Б. Т. Кулик, во время ухудшения отношений Мао Цзэдун сравнивал советско-китайские соглашения с неравноправными договорами, навязанными Китайской империи в XIX в. [3, с. 14]. При этом, подчеркивается в работе Б. Т. Кулика, Мао Цзэдун и его соратники сами выступали инициаторами отношений по модели «отец – сын» или «старший брат – младший брат» [4, с. 233]. В Китае до сих пор считают договор неравноправным, на что обращал внимание специалист по России и бывший посол КНР в РФ Ли Фэнлинь, хотя и признают его значимость для развития КНР [7, с. 222]. Е. П. Бажанов отмечает, что отечественные исследователи не согласны с этой точкой зрения и считают, что советско-китайские отношения были асимметричными в силу значительной государственной мощи СССР, а также существенной экономической и политической поддержки КНР, что не исключало взаимовыгодность данных соглашений. Автор указывает на то, что СССР внес вклад в строительство ключевых отраслей промышленности КНР, предоставлял льготные кредиты, отправлял специалистов для обмена опытом, участвовал в развитии ядерной физики. КНР, в свою очередь, оказывала помощь в областях экономики, науки и техники, поддерживала внешнюю политику Кремля. Автор подчеркивает, что сотрудничество СССР и КНР в 1950-е гг. принесло значительную пользу обеим сторонам [Там же, с. 224–225].

Исследователи считают, что поворот в советско-китайских отношениях произошел после смерти И. В. Сталина, однако предпосылки конфликта возникли за несколько лет до этого [8]. Например, как вспоминал Н. С. Хрущев, во время визита Мао Цзэдуна в Москву в декабре 1949 – феврале 1950 г. И. В. Сталин принял его довольно холодно: глава КНР даже собирался уехать домой [10, с. 32–33]. Идеологические разногласия возникли после XX съезда КПСС в 1956 г., когда была выдвинута критика культа личности. Как отмечает российский историк А. В. Окорков, советское руководство ожидало негативной реакции Коммунистической партии КНР, поэтому отправило в Китай партийного деятеля А. М. Микояна, однако Мао Цзэдун уже был знаком с докладом Н. С. Хрущева и воспринял его как разрушение основ социализма. Несмотря на то что А. М. Микоян и заместитель премьера Лу Фучунь подписали соглашение о помощи КНР, отношения между странами продолжали портиться [5, с. 192–193]. Как подчеркивает автор, в 1958 г. было подписано еще одно соглашение о помощи, заключен ряд соглашений о научно-техническом сотрудничестве. К 1958 г. СССР помог со-

здать отрасли китайской промышленности, на 60 % обеспечивающие потребность страны в оборудовании и машинах. Советское правительство старалось сохранить дружественные отношения с КНР, поскольку советско-китайская граница была самой протяженной и позиция добрососедства значительно снижала расходы на ее охрану [5, с. 193–194]. Автор также считает, что на развитие конфликта повлияли субъективные факторы, такие как обидные высказывания Н. С. Хрущева в адрес Мао Цзэдуна. Кроме того, Москва проявила нейтралитет в китайско-индийском конфликте 1959 и 1962 гг. В августе 1958 г. начался Тайваньский кризис: Чан Кайши обратился за помощью к США, что едва не привело к атомной войне. Советское руководство было вынуждено обратиться к США с требованием воздержаться от агрессивных действий по отношению к КНР. Мао Цзэдун считал, что конфликт заставил правительство США считаться с военной мощью Китая, однако результатом Тайваньского кризиса также стал отказ СССР оказывать дальнейшее содействие в наращивании ядерного арсенала (при этом к данному моменту СССР уже помог полностью создать атомную промышленность КНР) [Там же, с. 196–198]. В 1960 г. идеологические разногласия партий двух стран достигли международной арены и вызвали раскол в коммунистическом движении [Там же, с. 199].

Российский политолог и китаевед А. Д. Воскресенский подчеркивает, что советско-китайские отношения, а позднее и российско-китайские, находились и находятся под влиянием личностного фактора и интересов [2, с. 236]. Высказывая свое мнение о И. В. Сталине, Мао Цзэдун и партийное руководство открыто критиковали внутреннюю политику СССР, что позволило и советскому правительству негативно оценивать политический курс КНР [Там же, с. 239]. Когда в 1964 г. Л. И. Брежнев стал лидером СССР, он заявил о продолжении политики Н. С. Хрущева в отношении КНР. Несмотря на то что руководство КНР осуществило ряд мирных соглашений (китайско-индийские переговоры, соглашения с Бирмой, договорное определение границ Непала, Афганистана, МНР) и в целом взяло мирный внешнеполитический курс, советско-китайский конфликт привел к военному столкновению на границе у о-ва Даманский и пос. Жаланашколь [Там же, с. 241]. А. Прохоров отмечает, что 2 марта 1969 г. на о-ве Даманский погиб 31 советский пограничник и 14 получили ранения [6, с. 227]. Е. П. Бажанов замечает, что СССР после инцидента пошел на такие жесткие меры, как переброска войск к границе, апелляция к США и другим странам, открытые обвинения. Вскоре в КНР пошла на убыль «культурная революция», в сентябре 1969 г. встретились главы правительств СССР и КНР – А. Н. Косыгин и Чжоу Эньлай, после чего отношения немного улучшились [Там же, с. 250]. Обострение советско-китайских отношений способствовало сближению Пекина с Вашингтоном, где, в свою очередь, надеялись посредством Китая закончить войну во Вьетнаме и использовать КНР в качестве рычага давления на СССР. В 1974 г. Мао Цзэдун сформулировал «теорию трех миров», согласно которой США и СССР объявлялись сверхдержавами и гегемонами, причем СССР считался главным врагом. После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и политиче-

ского кризиса сближение с Западом продолжалось: в 1978 г. Президент США Дж. Картер признал КНР единственным законным правительством Китая [7, с. 252]. Важным фактором, препятствующим нормализации отношений, выступила кампучийская проблема. Как отмечают В. С. Балакин и Лу Сяоин, союзнические отношения и военное сотрудничество между СССР и Вьетнамом вызывали у КНР серьезные опасения, поэтому, когда 7 января 1979 г. была захвачена столица Кампучии, китайское правительство приняло активные меры против расширения влияния СССР [1, с. 12]. При этом советское правительство предпринимало попытки улучшить отношения, но при этом пришлось бы идти на уступки и выводить войска из Монголии. Китайская сторона отказалась продлевать договор о дружбе, что вызвало негативную реакцию СССР. В то же время осенью 1979 г. провели переговоры, направленные на улучшение отношений и разрешение приграничной проблемы [7, с. 254–255]. Хотя переговоры не принесли результата, по мнению А. Д. Воскресенского, они заложили основу для начала конструктивных двусторонних отношений [2, с. 243]. Кампучийский конфликт и ввод войск в Афганистан также препятствовали сближению СССР и КНР.

Нормализация отношений началась в 1980-е гг., поскольку для СССР двойная конфронтация со стороны США и КНР была слишком обременительной. СССР предлагал улучшить отношения на основе общих социалистических идей. На XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. Л. И. Брежнев отметил: «Остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу». Ключевой оказалась речь М. С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г., где предлагалась встреча на высшем уровне [Там же, с. 245]. Министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе посетил Китай в начале февраля 1989 г., в ходе его переговоров с Дэн Сяопином стало понятно, что отношения СССР и КНР приближаются к стадии полной нормализации [Там же, с. 246]. Официально отношения восстановились в ходе визита Генерального секретаря КПСС М. С. Горбачева в Китай. А. Д. Воскресенский обращает внимание на то, что в СССР все еще акцентировались на идеологическом факторе, в то время как в КНР рассматривали отношения с СССР и остальными странами как новый тип международных отношений [Там же, с. 247–248]. И СССР, и КНР согласились сократить силы на советско-китайской границе, а также установили курс на долгосрочное сотрудничество в различных сферах. Последовавшие затем кризисы (волнения на площади Тяньаньмэнь, распад СССР, исчезновение единой идеологической почвы двух стран) не помешали дальнейшему установлению связей между двумя государствами [Там же, с. 249].

Перейдем к анализу дипломатических дискурсов СССР и КНР в период 1955–1990-х гг. С помощью средств программирования Python и модели RuVert были построены графики изменения тональности дипломатических дискурсов (в системе координат, где -1 означает отрицательную тональность, 0 – нейтральную, а $+1$ – положительную).

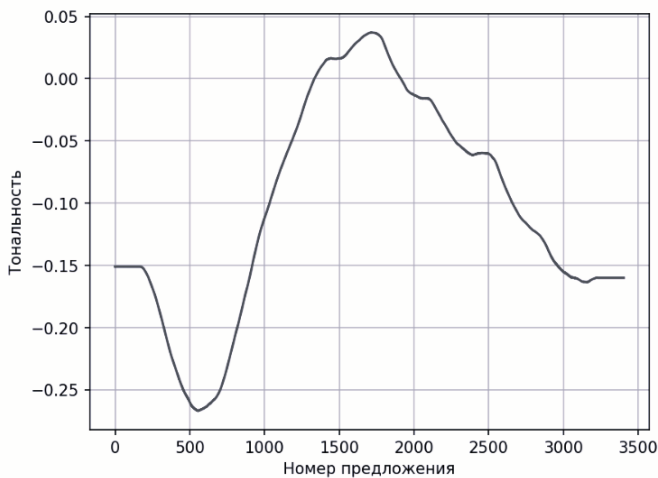

Рис. 1. График колебаний тональности дипломатического дискурса СССР

Как показывают графики, тональность дипломатического дискурса СССР колеблется от негативной к позитивно-нейтральной: причем достигает пика положительности (значение 0,05 приходится на период нормализации отношений), а затем приобретает отрицательно-нейтральные значения (рис. 1). Большая часть графика приходится на небольшие отрицательные значения, свидетельствующие о стремлении к нейтральности, что говорит о том, что, несмотря на конфронтацию с КНР, в Советском Союзе стремились к сохранению баланса в отношениях с Китаем. Например, в письме Центрального комитета КПСС Центральному комитету КНР от 30 марта 1963 г. содержатся призывы к сотрудничеству, хотя к этому времени разногласия между двумя коммунистическими партиями приближаются к критической точке: «Со всей ответственностью мы заявляем, что *КПСС никогда не делала и не сделает ни одного шага, который мог бы посеять у народов нашей страны неприязнь по отношению к братскому китайскому народу, другим народам*» (здесь и далее курсив наш. – В. Ф.). Негативные оценки выражаются достаточно мягко: «Категорически отвергнув как *беспочвенные и клеветнические* нападки ЦК Компартии Китая на нашу партию и другие коммунистические партии, на решения XX, XXI и XXII съездов, на Программу КПСС, Пленум Центрального Комитета, выражая волю всей нашей партии, заявил о своей готовности и решимости последовательно *проводить курс на сплочение братских партий, на преодоление имеющихся разногласий*». Важно отметить, что взаимоотношения, как уже упоминалось выше, строятся на идеологической основе. Идеи социализма и коммунизма – важная черта дипломатических дискурсов СССР и КНР данного периода, влияющая на тональность, поскольку негативные оценки в адрес империалистических держав также вызывают снижение показаний тональности: «Пленум заявил, что наша партия будет стремиться и впредь к укреплению единства *на основе принципов марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма,*

братской дружбы между КПСС и КПК в интересах борьбы за наше общее дело»; «Антинародная и хищническая сущность империализма не изменилась, но с созданием мировой социалистической системы...».

В речах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева критика внешнеполитического курса КНР сопровождается пожеланиями нормализации отношений: «Что касается нас, то мы прилагали и будем прилагать усилия к тому, чтобы нормализовать отношения с Китайской Народной Республикой, восстановить братскую дружбу и сотрудничество с коммунистами, с трудящимися Китая»; «К сожалению, как вы хорошо знаете, товарищи, нынешний политический курс Пекина идет вразрез с тенденцией разрядки напряженности. Со своей стороны Советский Союз постоянно стремится к тому, чтобы советско-китайские отношения вошли в нормальное русло».

Согласно «облаку» ключевых слов, самыми частотными являются слова «отношения», «КНР», «Китай», что свидетельствует о том, какое большое значение в дипломатическом дискурсе СССР уделялось советско-китайским отношениям (рис. 2). Также была получена визуализация модели латентного распределения Дирихле (LDA), которая позволяет определять семантические взаимосвязи и тематическое пространство текста [9, с. 272]. Топик № 3 представляет собой кластер, содержащий слова, тематически соотнесенные с понятиями «КНР» и «Китай» (рис. 3). Наиболее частотными словами данного топика являются «отношения», «мир», «сотрудничество», «развитие», что указывает на направленность внешней политики СССР на курс сохранения стабильных дружеских отношений с КНР.

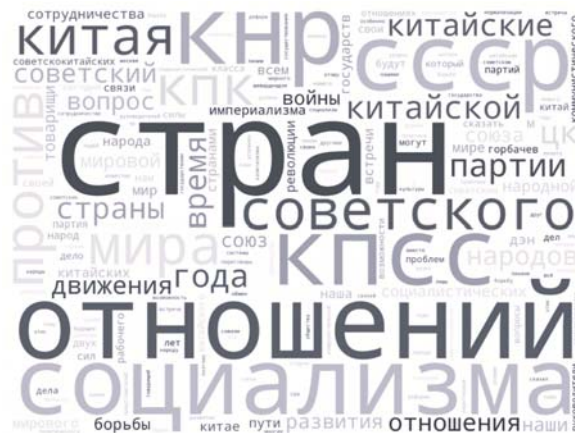

Рис. 2. Ключевые слова в рамках дипломатического дискурса СССР

Приведенный график колебаний тональности (рис. 4) показывает, что тональность дипломатического дискурса КНР является преимущественно отрицательной. С нейтральных значений (небольшое отрицательное значение первых текстов периода дружбы в 1950-х гг. вызвано использованием специфической негативной лексики в адрес империализма и капитализма) тональность опускается до сугубо отрицательной (приблизительное значе-

ние – 0,5), затем, без учета небольшого повышения, остается отрицательной. В конце тональность становится примерно такой же нейтральной, как и в начале. Критика в адрес СССР в период идеологических разногласий становится очень жесткой, используется экспрессивная лексика с негативными коннотациями, а также яркие устойчивые выражения: «Прикрываясь вывеской “строительства коммунизма”, Хрущёв задался целью скрыть свой подлинный, ревизионистский облик. Но эту *махинацию* не трудно разоблачить. *Никогда рыбий глаз не сойдет за жемчужину, никогда ревизионизм не сойдет за коммунизм*»; «На самом деле руководители КПСС, *жонглируя ядерным оружием*, вовсе не ставят себе целью оказывать поддержку народам в их борьбе против империализма. <...> А как только их ядерный шантаж распознан противником и последний отвечает контршантажом, они тотчас начинают шаг за шагом *ретируются, скатываются от авантюризма к капитулянству и начисто проигрывают свою ставку*». В период относительной нормализации отношений Дэн Сяопин, развивая «теорию трех миров» в беседе с Генеральным секретарем ООН Х. Пересом де Куэльярром (21 августа 1982 г.), отмечал: «Почему теперь я специально подчеркиваю третий мир? Потому что борьба против гегемонизма и сохранение мира во всем мире имеют для него особое значение. Кто страдает от гегемонизма? Неужели США и Советский Союз? *Нет, это они занимаются гегемонизмом, и, конечно, не являются потерпевшими*». В 1986 г. он подчеркивал, что не одобряет действия СССР: «Мы улучшаем отношения с двумя сверхдержавами – США и СССР. *Но мы одновременно критикуем и не одобряем их неправомерные действия. Мы не можем петь с чужого голоса*». В ответах на вопросы американского журналиста Майка Уоллеса Дэн Сяопин утверждал, что нормализация отношений между КНР и СССР возможна только после устранения «трех препятствий» (вывод советских войск из Афганистана, сокращение военного присутствия на советско-китайской границе и прекращение агрессии Вьетнама против Кампучии), и при этом подчеркивал: «Ведь КНР и СССР находятся по существу в состоянии острой конфронтации, которая, однако, выражается в форме военного противостояния Вьетнама и Китая». В то же время Дэн Сяопин выразил готовность встретиться с М. С. Горбачевым. Негативные оценки и критика являются причиной отрицательной тональности дипломатического дискурса КНР.

Согласно «облаку» ключевых слов наиболее частотными являются понятия «революция», «империализм», «против», «пролетариат», что демонстрирует акцент на идеологической борьбе в рамках дипломатического дискурса КНР (рис. 5).

Визуализация модели LDA показывает, что в топике № 1, посвященном китайско-советским отношениям, преобладают слова «революция», «диктатура», «пролетариат», «борьба», «империализм» (рис. 6). Это также указывает на то, что конфронтация между СССР и КНР произошла в большей степени на идеологической почве.

Таким образом, можно сделать вывод, что дипломатические дискурсы СССР и КНР в период 1955–1990-х гг. значительно отличаются колебаниями тональности. В СССР акцент делался на сохранение дружеских отношений с КНР, критика была достаточно мягкой и всегда высказывались призывы прекратить конфронтацию, что отразилось в более нейтральных значениях тональности. В КНР в силу неприятия смены идеологического курса и внешней политики СССР (поддержка Вьетнама во время кампучийско-вьетнамского конфликта) тональность дипломатического дискурса сохранялась преимущественно в отрицательных значениях.

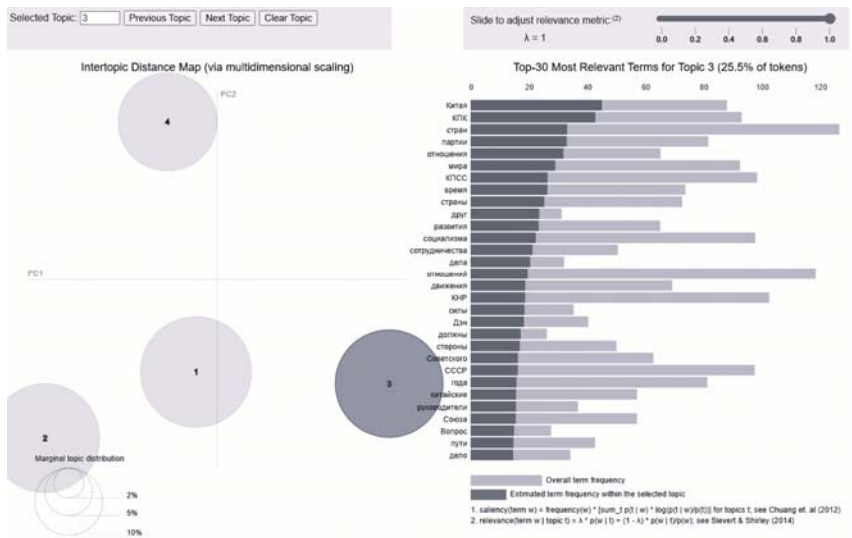

Рис. 3. Результаты визуализации модели LDA на основе дипломатического дискурса СССР

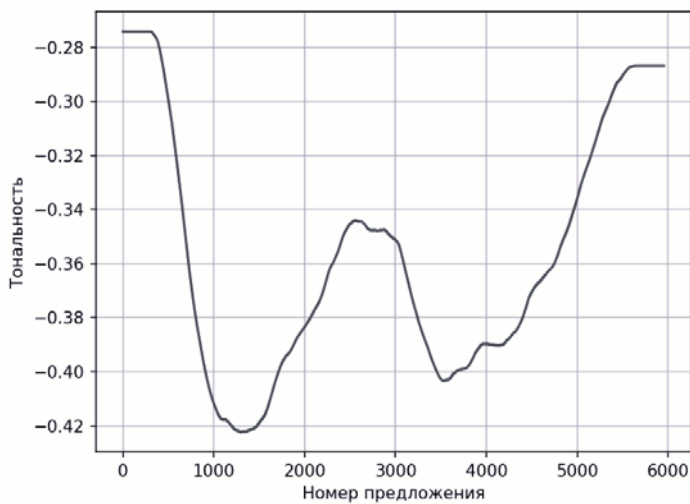

Рис. 4. График колебаний тональности дипломатического дискурса КНР

6. Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М. : Междунар. отношения, 1975. 288 с.
7. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М. : Весь Мир, 2013. 704 с.
8. Рябченко Н. П. Договор исторического значения. К 60-летию подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 126–133.
9. Свердлов С. А. Метод LDA в психологической оценке понимания текстов // Казанский педагогический журнал. 2021. № 3 (146). С. 269–274. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.147.3.037>
10. Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть : [(Воспоминания)] : в 4 кн. М. : Моск. новости, 1999. Кн. 3. 703 с.

References

1. Balakin V.S., Syaoin Lu. KNR i SSSR v 1960–1980-e gody: ot konfrontatsii k ravnopravnomu sotrudnichestvu [China and the USSR in the 1960-1980th: from confrontation to equal cooperation]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities], 2016, vol. 16, no. 1, pp. 11-15. <https://doi.org/10.14529/ssh160102> (in Russian)
2. Voskresenskii A.D. *Rossiya i Kitai: teoriya i istoriya mezhgosudarstvennykh otnoshenii* [Russia and China: Theory and History of Inter-state Relations]. Moscow, Moscow Public Scientific Fund Publ.; LLC Publishing Center of scientific and educational programs, 1999, 408 p. (in Russian)
3. Kulik B.T. *Sovetsko-kitaiskii raskol: prichiny i posledstviya* [Soviet-Chinese Split: Causes and Consequences]. Moscow, IFES RAS Publ., 2000, 639 p. (in Russian)
4. Mamaeva N.L. B.T. Kulik. *Sovetsko-kitaiskii raskol: prichiny i posledstviya*. M., 2000 [B.T. Kulik. Soviet-Chinese Split: Causes and Consequences. Moscow, 2000]. *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2004, no. 3, pp. 232-235. (in Russian)
5. Okorokov A.V. V boyakh za Podnebesnyu. Russkii sled v Kitae [In the Battles for the Celestial Empire. The Russian Trail in China]. Moscow, Veche Publ., 2013, 336 p. (in Russian)
6. Prokhorov A. K voprosu o sovetsko-kitaiskoi granitse [On the question of the Soviet-Chinese border]. Moscow, International relations Publ., 1975, 288 p. (in Russian)
7. *Rossiya i Kitai: chetyre veka vzaimodeistviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii* [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects for the development of Russian-Chinese relations]. Under the editorship of A.V. Lukin. Moscow, The whole world Publ., 2013, 704 p. (in Russian)
8. Ryabchenko N. P. *Dogovor istoricheskogo znacheniya. K 60-letiyu podpisaniya sovetsko-kitaiskogo dogovora o druzhbe, soyuze i vzaimnoi pomoshchi* [The Treaty of historical significance. To the 60th anniversary of signing the Sino-Soviet Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance]. *Rossiya i ATR* [Russia and ATP], 2010, no. 2, pp. 126-133. (in Russian)
9. Sverdlov S.A. Metod LDA v psikhologicheskoi otsenke ponimaniya tekstov [LDA method in psychological assessment of text comprehension]. *Kazanskiy pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2021, no. 3 (146), pp. 270-274. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.147.3.037> (in Russian)
10. Khrushchev N.S. *Vremya. Lyudi. Vlast. (Vospominaniya)* [Time. People. Power. (Memoirs)]. In 4 books. Moscow, Moscow News Publ., 1999, Vol. 3, 703 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Филашкина Варвара Максимовна
аспирант, исторический факультет
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: varvarafilashkina@mail.ru

Information about the author

Filashkina Varvara Maksimovna
Postgraduate, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: varvarafilashkina@mail.ru